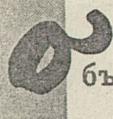

19. СМ.И. / 05

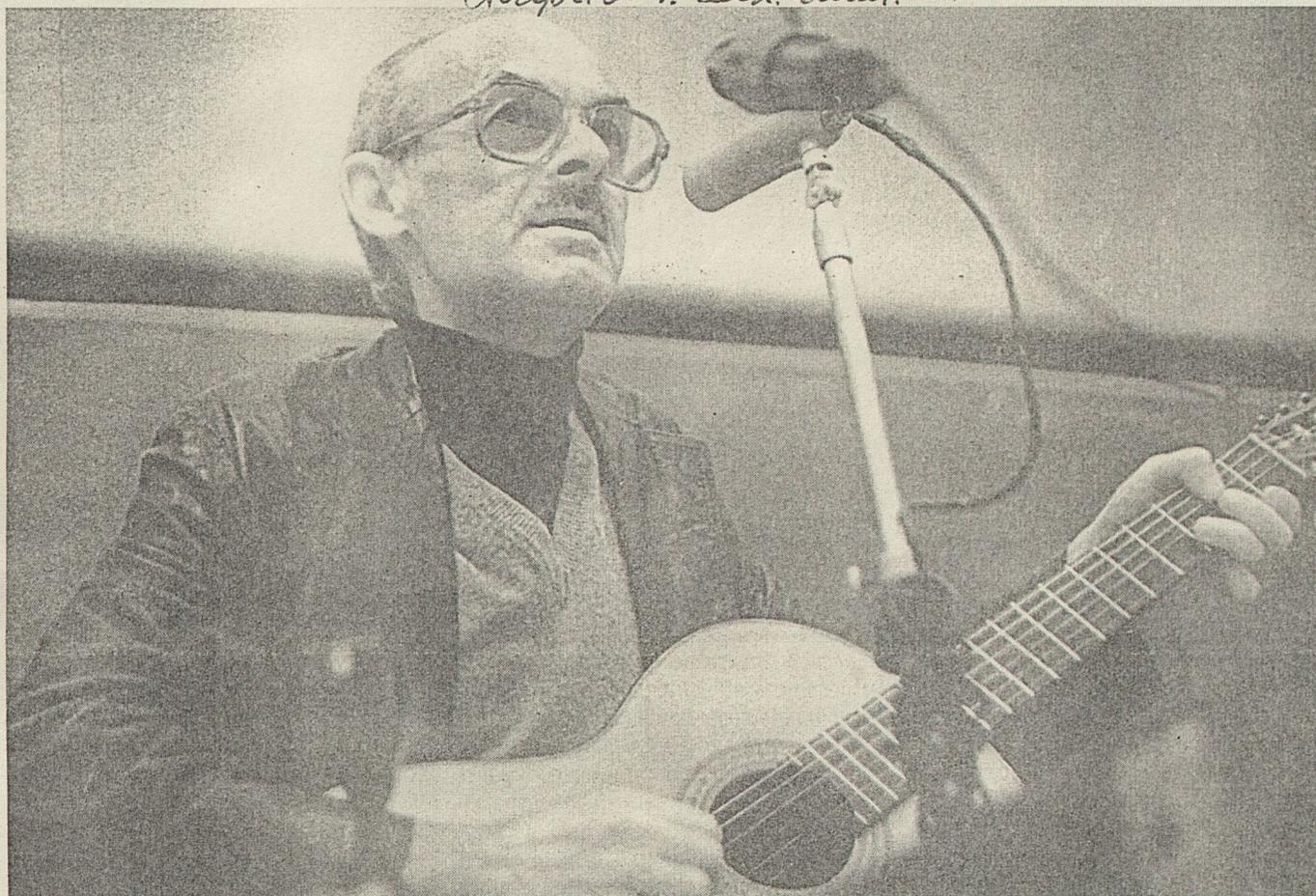
05.02

Объяснить это трудно, но по словечкам "из Окуджавы" мы узнавали друг друга в толпе.

Алфавит.-2002.-май.-с.19.

48

ОКУДЖАВСТВО

Он жил достойно в "те ещё годы"

Виктор Листов

Странно: Булат Окуджаву умер уже целых пять лет назад. Кажется, совсем недавно было. А вот по-ди ж ты...

ЗНАКОМ С НИМ Я НЕ БЫЛ. Помню только, как тому лет сорок он врывался с гитарой на заседания в союзе писателей и мгновенно разгонял казённую тоску очередной песенкой – в зале улыбались; начальство в президиуме хмурилось, кисло пережидало вторжение поэзии. И ещё помню, как много позже, в поликлинике на Гагаринском, стоял я в очереди в регистратуру, и медсестра переспросила у старика, стоявшего передо мной:

– Фамилия ваша?
– Окуджава.

Я оторопело всмотрелся в черты лица и едва узнал того весёлого возмутителя административного спокойствия: лыс, жёлт, морщинист; пиджак обвис. Встреча была не личная, а лишняя: с поэтом надо знакомиться на Парнасе, а не в скучной очереди.

Говорят, он не очень любил, когда его называли бардом, автором и исполнителем песен. Считал себя прежде всего русским поэтом. А то, что чтение некоторых стихов сопровождалось мелодией на гитаре, – дело случая; стихи-то от этого ни лучше, ни хуже не становились. Это правда. Хотя, конечно, и не вся правда. Были бы только строчки – написанные, напечатанные, – поэзия Окуджавы осталась бы лакомством гурманов, знатоков, филологов. А так под перебор гитарных струн стихами "московского муравья" заслушивалась вся страна – от школьников до академиков.

"В те ещё годы" камерного, непафосного Окуджаву знали не по эфиру (радио, ТВ), а по катушкам к тяжёлому и хриплому магнитофону "Астра". Как-нибудь десятая-двадцатая перезапись, сделанная в зале или за дружеским столом, звучала потом хоть в пензенской коммуналке, хоть на полярной станции в Антарктиде. Сейчас уж трудно объяснить, как по произнесённым вслух отрывочным словечкам "из Окуджавы" мы узнавали друг друга в

любом многолюдстве, в толпе. Мы – даже и не знаю, кто "мы". Романтики? Шестидесятники? Интеллигенты? Нет, всё неточно.

Наверное, просто те, кто знал доброе молчание ночного троллейбуса. Или те, кто любил арбатские переулки и оплакивал Короля, не пришедшего с войны. И даже те, кто ещё верил иконописным комиссарам в пыльных шлемах.

Не объяснить? Ну и не надо.

Только жаль мне моих братьев-гуманитариев. Особенно философов. Вот стоит у меня на полке комплект журнала "Вопросы философии" за шестидесятые–семидесятые. Редко, раз в два-три года, туда заглядываю. Там всё "измы" разные, да "К вопросу об..." А настоящая-то философия тех лет не здесь. Она в сочинениях молодых Стругацких, в выцветшей машинописи "самиздата", в окуджавских записях. Тут настоящие, а не поддельные ум, честь и совесть "нашей" эпохи: горит огонёк, когда-то сберегаемый в ладонях Пушкина и Чаадаева, Чехова и Булгакова. И этого тоже не объяснить.

В НАЧАЛЕ СЕМИДЕСЯТЫХ случилось мне дождливым осенним вечером идти по тёмным, промозглым улицам Вологды. У тусклого фонаря нагнал я парня с девочкой; они тесно шли, укрывшись одним плащом. Поравнявшись, я услышал, как они тихонько пели знакомое. Про "шарик улетел":

*Девочка плачет,
Шарик улетел.
Её утешают,
А шарик летит.*

Я не окликнул ребят. Своих. Родных. Любящих Окуджаву. Для них он не просто поэт, а если хотите, возможность выжить в жестоком и равнодушном мире. Ведь вот хоть эта песенка – о том, как велики, но одновременно и как малы, проходящие все людские беды. И мы с нашими взрослыми горестями не более несчастны, чем случайно обиженный ребёнок. Правильно. Кто не философ, тот и не поэт. Так уж в России повелось.

Я не предлагаю воспоминаний об Окуджаве. Пусть их пишут те, кто его знал, был знаком.

Но кто сегодня напишет о дивном окуджавстве Жени Хаева? Мальчик жил не в Нижнем Новгороде. Ещё в городе Гурьком. Он пел песни Булата. Всегда. Всюду. Всем. От гитарных струн у него болели кончики пальцев. А ещё он писал стихи, играл в мушкетёров и глубоко читал русскую классику. Когда пришло время поступать, выбрал филфак местного университета. Его отговаривали: провалят, куда тебе с твоей анкетой?

Вернувшись со вступительного экзамена, Женька признался, что взял свободную тему "Мой любимый поэт". Писал об Окуджаве.

– С ума сошёл! – говорили зрелые, опытные люди. – С "пунктом" в анкете, да ещё с полуопальным Окуджавой. Считаю, что провалился.

Женька не провалился. Повезло. За своё сочинение он получил "отлично". Отметку поставила преподаватель Ирина Ивановна Теплова, смелый, честный человек. Она оценила и тонкий анализ стиха, и слог, и эрудицию абитуриента. Но – да простит мне Бог догадку – она тоже любила Окуджаву. Им жила. Им спасалась. И не ошиблась.

Евгений Хаев стал прекрасным филологом. Умер он в 33 года. На его поминках друзья пели "До свидания, мальчики". А потом издали тоненькую книжечку его работ, дневников, писем (см. "Алфавит", № 23, 2001). Имя Окуджавы встречается там на многих страницах.

Это имя Женька отчётливо слышал даже в пушкинских стихах:

*Всё куплю, – сказала Злато, –
Всё возьму, – сказал Булат.*

Может быть, здесь-то и ответ на мой вопрос: кого объединяет Булат Окуджава?

Да уж точно тех, кто не покупается и не продаётся "за злато"...